

Текст · 28 июня 2021, 08:29

Юлия Сугуева,

6 часов пыток и 6 лет суда и следствия. В Северной Осетии десятерым полицейским выносят приговор по делу о смерти Владимира Цкаева

— Это длится уже больше пяти с половиной лет. Я просто устала, я невероятное количество часов провела в суде, это очень влияет на мое здоровье, на психику моих детей, когда человек постоянно борется с несправедливостью и постоянно какие-то препятствия, — говорит вдова Владимира Цкаева Земфира. — Когда услышала сроки, которые запросило гособвинение, я сказала, что соглашусь с ними, если судья вынесет приговор ну приблизительно хотя бы к этим цифрам. Тогда я смогу сказать, что добилась хоть какой-то справедливости. Конечно, для них, учитывая, с какой жестокостью и сколько часов они профессионально убивали моего мужа, такие сроки — подарок. Они живые, они отсидят, выйдут, а тут жизнь покалечена и у меня, и у моих детей.

Десять полицейских из Иристонского отдела полиции Владикавказа оказались на скамье подсудимых^[1], когда после пыток в отделе скончался Владимир Цкаев. Он погиб в 2015 году. В Ленинский районный суд дело поступило только через три года, осенью 2018-го.

Процесс занял еще три года: родные погибшего не раз жаловались на затягивание процесса. По словам Земфиры Цкаевой, 94 из 180 заседаний были перенесены: «То болели [подсудимые], то болели их адвокаты, то искали адвокатов, в общем, срывали, как могли. Вели себя некорректно во время судебных заседаний, ни один человек не извинился и не высказал сочувствия хотя бы».

Суд подошел к концу только в апреле. Прокурор запросил обвиняемым сроки от 6 до 13 лет колонии. Ни один из подсудимых полицейских своей вины в суде так и не признал.

«Пребывание в ограниченном объеме замкнутого пространства (полиэтиленовый пакет)»

Полицейские приехали домой к 39-летнему сотруднику министерства сельского хозяйства Северной Осетии Владимиру Цкаеву 31 октября 2015 года. Они сказали, что собираются опросить его по поводу ночного происшествия: недалеко от дома Цкаева был ранен сотрудник ОМОНа. Обещали, что это займет совсем немного времени.

Уже после его смерти полицейские утверждали, что Цкаева опознал по фотографии раненый омоновец, но за шесть лет так и не смогли этого подтвердить. За стрельбу в полицейского в итоге был осужден другой человек — приятель Цкаева Марат Букулов.

Дело Марата Букулова

Омоновец Роланд Плиев был ранен другом Цкаева Маратом Букуловым — он говорит, что

принял силовика за распространителя закладок с наркотиками.

30 октября 2015 года Букулов с семьей гостил у Владимира, они засиделись допоздна. Выйдя от друга в половине первого ночи, Букулов заметил неподалеку машину (позже он объяснял, что видел ее уже не раз и это показалось ему подозрительным).

Он заехал домой, взял пистолет, вернулся к машине и попросил водителя — Ролана Плиева — выйти. Букулов говорил, что водитель был пьян и напал первым, поэтому, защищаясь, он выстрелил. Потом отъехал от места драки, позвонил Владимиру Цкаеву, попросил подъехать, обсудил с другом происшествие, а потом решил скрываться.

Букулов явился в полицию с повинной после гибели друга в отделе. В июне 2016 года его приговорили к 2,5 годам заключения за причинение тяжкого вреда здоровью с применением оружия (пункт «з» части 2 статьи 111 УК).

Задержанного доставили в Иристонский отдел и провели в кабинет №57 на втором этаже около 15 часов дня. Там от Цкаева потребовали сознаться-^[2] в нападении на омоновца, а когда он отказался, начали пытать. Посадили на стул, руки сковали наручниками, на голову надели черный пакет и обмотали его скотчем. Двое оперативников — Алан Хохоев и Георгий Цомаев — били Цкаева, останавливаясь, только когда он терял сознание. Пакет то снимали, позволяя вздохнуть, то снова

надевали на голову — этим занимался полицейский Шота Майсурадзе.

Это длилось около четырех часов, потом оперативник Майсурадзе продолжил пытки в одиночестве: он уложил задержанного на пол и несколько раз ударил ногой по голове.

Еще через час он уехал на обыск в доме Цкаевых, а в кабинет зашел начальник отделения по раскрытию имущественных преступлений Сослан Ситохов. Он решил сам поработать с задержанным — и бил, пока тот не потерял сознание. Это было примерно в 20:30.

В себя Владимир Цкаев уже не пришел.

Полицейские не хотели вести запытанного задержанного в больницу и через некоторое время вызвали в отдел знакомую медсестру — это попало на записи их телефонных разговоров. Расследованию насилия в полиции на этот раз помогла ФСБ: за несколько месяцев до случившегося сотрудники спецслужбы начали прослушивать полицейских из отдела по другому уголовному делу.

Медсестра приехала в отдел примерно в 23 часа. На допросах она рассказывала, что у мужчины свело руки и челюсть, на его лице она заметила синяки, а на руках — ссадины от наручников. Давление было очень низким, она ввела пострадавшему препарат, стимулирующий сердцебиение, но помочь ничем не смогла и посоветовала вызвать скорую помощь.

Иллюстрация: Марина Маргарина / Медиазона

В это время полицейский Сослан Ситохов созванивался со своим руководителем^[3] Казбеком Казбековым:

— Никакая больница! — настаивал Ситохов.

— Ну, в смысле, нормально с ним будет все? — беспокоился Казбеков.

— Я что, Бог, что ли? Я не могу это сказать.

— Ну, в смысле, ему очень плохо или что? <...> Давай отвезем его [в больницу], ну его *****!

— Никакая больница! Это исключено!

Только ближе к полуночи Ситохов позвонил в скорую с телефона одного из понятых, но попросил врачей приехать не в отдел, а на соседнюю улицу, сказав, что на тротуаре лежит мужчина без сознания. Когда медики прибыли, их встретил полицейский и привел в здание ОВД.

Врачи доставили Цкаева в республиканскую клиническую больницу. По официальной версии, он скончался утром 1 ноября. Сначала врачи назвали причиной смерти сердечную недостаточность, но позже экспертиза показала, что он умер из-за острой гипоксии, «связанной с длительным пребыванием последнего в ограниченном объеме замкнутого пространства (полиэтиленовый пакет)».

Митинг и долгое следствие

О смерти Владимира Цкаева родные узнали только на следующий день — его сестре Ирине Демуровой позвонила работавшая в больнице знакомая. Когда они приехали к моргу, тело уже успели «вскрыть, обработать и почистить», говорила сестра погибшего. Проводившая вскрытие врач указала причиной смерти острую сердечно-сосудистую недостаточность.

В это время сотрудники Иристонского отдела, узнав, что Цкаев скончался, подделывали документы: задним числом составили протокол об административном задержании и рапорты от имени полицейских, в которых указали, что Владимир вел себя неадекватно и матерился, а когда на него надели наручники — начал биться головой о пол.

«Он внезапно встал со стула и, упав на колени, лобной частью головы нанес несколько ударов об пол, — говорилося и в пресс-релизе МВД Северной Осетии. — Сотрудники полиции пресекли его действия и далее продолжили беседу». Позже сообщение отредактировали, удалив утверждения, что Цкаев сам нанес себе повреждения.

Новость о его гибели быстро распространилась среди соседей, а потом и по всему Владикавказу. 2 ноября не менее двухсот человек вышли на митинг против полицейского произвола в центре города. Люди несли плакаты с фотографиями из морга, на снимках были видны синяки на теле и лице Владимира.

— Когда произошла трагедия, люди были в таком шоке, они настолько молниеносно встали, вышли из домов и пошли... Там их уже остановить нельзя было, — вспоминает Земфира Цкаева. — Мало того, что это было с таким садизмом все сделано, но он же еще был совершенно порядочный, его так любили, вы не найдете [никого], кто скажет, что Вова был не порядочный. Митинг помог. Я думаю, что [без митинга] не возбудили бы дело, настолько их система покрывала.

Дело о превышении должностных полномочий с применением насилия Следственный комитет возбудил в день митинга. В течение года в нем появилось десять обвиняемых.

Кто попал на скамью подсудимых

Алан Хохоев, Георгий Цомаев и Шота

Майсурадзе — по версии следствия, они первыми пытали Цкаева. Обвиняются в превышении должностных полномочий с применением насилия и причинением тяжких последствий и в умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшем смерть потерпевшего (пункты «а, б, в» части 3 статьи 286 и часть 4

статьи 111 УК). Прокурор запросил им по 13 лет строгого режима.

Сослан Ситохов — согласно материалам, тоже пытал Владимира, а потом составил подложные документы. Обвиняется в превышении должностных полномочий с применением насилия и причинением тяжких последствий, злоупотреблении должностными полномочиями, повлекшем тяжкие последствия, и служебном подлоге (пункты «а, б, в» части 3 статьи 286, часть 3 статьи 285 и часть 2 статьи 292 УК). Ему запросили 13 лет общего режима.

Владимир Валиев, Ацамаз Датиев, Олег Дзампаев и Алан Бигаев, подписавшие фальсифицированные рапорты. Их обвинили в злоупотреблении должностными полномочиями, повлекшем тяжкие последствия, и служебном подлоге (часть 3 статьи 285 и часть 2 статьи 292 УК). Первым трем просили по 8 лет общего режима, Бигаеву — 6,5 лет.

Азамат Цугкиев, составивший поддельные протоколы о досмотре и получении объяснений у задержанного, обвиняется в служебном подлоге (часть 2 статьи 292 УК), ему также вменили злоупотребление должностными полномочиями (часть 1 статьи 285 УК) по другому делу. Прокурор запросил ему 8 лет общего режима.

Спартак Бузоев — по версии следствия, не стал препятствовать пытавшим Цкаева коллегам. Ему предъявлено обвинение в злоупотреблении должностными полномочиями (часть 3 статьи 285 УК). Прокурор просил для него меньше остальных — 6 лет общего режима.

Родные погибшего обращали внимание на затянувшееся следствие и допущенные сотрудниками СК нарушения. По словам Земфиры Цкаевой, из дела пропали некоторые вещественные доказательства. Вдова настаивала, что к ответственности нужно привлечь и врачей, помогавших скрыть преступление, и руководство обвиняемых, которое было в курсе происходящего в отделе.

Сами полицейские несколько раз меняли показания, перекладывая ответственность друг на друга. Но в итоге никто из них своей вины не признает.

Сначала суд отправил полицейских в СИЗО, но уже к концу 2017 года все они вышли под подписку о невыезде. Узнав об этом, жители Владикавказа вновь вышли на митинг с требованием ускорить расследование.

— Конечно, у меня руки прям опустились, — говорит Земфира Цкаева, — но сейчас я понимаю, они бы сидели [в местном СИЗО], как у бога за пазухой, а уже бы столько времени прошло.

Дело следователя Хугаева

Через полгода после смерти Цкаева расследование возглавил Аслан Хугаев. По его словам, к тому времени многие вещдоки были уже утеряны, а следственные действия проведены с нарушениями.

Хугаев признавал, что 90% сотрудников Иристонского ОВД, находившихся в день убийства

Цкаева на работе, если и не принимали участие в пытках, то точно об этом знали.

Летом 2018 года следователя обвинили в служебном подлоге (*часть 1 статьи 292 УК*)- . По версии обвинения, он сфальсифицировал документы по делу Цкаева, необходимые для неоднократного продления сроков следствия и содержания обвиняемых под стражей.

В апреле 2019 года дело следователя передали в Ленинский районный суд, заседания неоднократно откладывались. После оно и вовсе было передано по подсудности в Ардонский районный суд, заседания по нему переносились уже больше 20 раз.

Иллюстрация: Марина Маргарина / Медиазона

Три года суда

Только предварительные заседания по делу о пытках и смерти Владимира Цкаева затянулись на четыре месяца — они начались в Ленинском районном суде Владикавказа в октябре 2018 года, а первое заседание по существу состоялось только в феврале.

До марта 2019 года все обвиняемые полицейские числились в штате Иристонского ОВД и получали зарплату.

По словам потерпевших, подсудимые и их защитники делают все, чтобы затянуть судебный процесс.

— Затягивание было из-за подсудимых и их адвокатов, — говорит адвокат правозащитной организации «Зона права» Андрей Сабинин. — Условно говоря, я приезжаю за 500 километров, а какой-то из местных адвокатов, видите ли, не может, он на других мероприятиях или заболел и справку не предоставил. Наплевательское отношение было с их стороны к процессу. Мы неоднократно на это внимание суда обращали, но никаких санкций не последовало.

Какие цели преследовали обвиняемые — неясно, говорит Сабинин. По его словам, вряд ли они могли рассчитывать на истечение сроков давности, в ноябре этого года он истечет только по одной статье — о служебном подлоге, предъявленной шестерым полицейским.

— Если бы суд или прокурор проявили принципиальность и из-за таких финтов с неявкой изменили меру пресечения, то все было бы гораздо быстрее, — полагает адвокат. — А они все на свободе. Я не знаю такого практически, чтобы с такими статьями, тем более III-й^[4], разгуливали. Как правило, люди по аналогичным делам находятся под стражей.

Летом 2019-го в суде выступила свидетель обвинения Алла Битиева, она рассказала, что полицейские

привлекали ее и мужа — оба они наркозависимые — в качестве понятых: их попросили сказать, что Цкаев сопротивлялся и бился головой о пол. После смерти задержанного двое сотрудников полиции^[5] прятали супругов от следователей и приносили им еду и наркотики в обмен на нужные показания.

«Нам привозили столько героина, что он даже не успевал заканчиваться», — говорила Битиева.

Полицейский Тимур Сытник, устроившийся работать в московскую полицию, выступил в суде по видео, он утверждал, что просто поселил супругов в квартире знакомого. Он и его коллега Инал Медоев в итоге стали обвиняемыми по делу^[6] о сбыте наркотиков, превышении должностных полномочий и фальсификации доказательств — по версии следствия, они «заставили наркозависимое лицо передать наркотик пьяному жителю Дигорского района». Карточка дела есть на сайте Ленинского райсуда, оно поступило в суд в сентябре 2019-го, с тех пор заседания откладывали не менее 56 раз.

Когда в октябре 2019 года по ходатайству защиты подсудимых суд назначил повторную экспертизу обстоятельств смерти Цкаева, материалы направили в центр судебно-медицинской экспертизы Минздрава в Москве (он проводил и первое исследование). Результатов пришлось ждать еще семь месяцев. Экспертиза показала, что наиболее вероятной причиной смерти стала тяжелая черепно-мозговая травма в виде ушиба ствола головного мозга, писал «Кавказский узел». Допрошенный на заседании судмедэксперт отмечал,

что новое заключение «не противоречит ранее проведенной экспертизе, а дополняет ее».

Но и после этого заседания постоянно откладывались, так что допрос десятерых подсудимых занял еще год.

В апреле во время прений прокурор попросил приговорить всех обвиняемых к реальным срокам — от 6 до 13 лет в колонии. Полицейские и их адвокаты просили об оправдании.

Огласить приговор судья Олег Ачеев должен был 28 июня, но заседание перенесли на 16 июля.

— Я сейчас чувствую только страх. Чем ближе к приговору, тем настороженнее смотрю на это все, — признается накануне приговора Земфира Цкаева. — Если шесть человек выпустят, я буду считать, что мы проиграли. Если устоят приблизительно эти сроки, я буду считать, что дело выиграно. Но я бы одна не смогла, если бы не ощущала поддержки людей. Пять с половиной лет прошло, а резонанс местными СМИ поддерживается, каждое заседание освещается, и это набирает тысячи комментариев. Наша республика, я думаю, вывалится на улицу, если их отпустят.

Редактор: Егор Сковорода

1. Их обвинили в превышении должностных полномочий с применением насилия (пункты «а, б, в» части 3 статьи 286 УК), злоупотреблении должностными полномочиями (части 1 и 3 статьи 285 УК), служебном подлоге (часть 2 статьи 292 УК) и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью (часть 4 статьи 111 УК).

2. Так события реконструировал Следственный комитет, расследовавший обстоятельства гибели Владимира Цкаева.
3. Казбеков в то время — замначальника полиции по оперативной работе управления МВД по Владикавказу.
4. Часть 4 статьи 111 УК (причинение тяжких телесных повреждений, повлекшее смерть), по ней обвиняются трое оперативников.
5. Инал Медоев и Тимур Сытник.
6. Часть 1 статьи 228, часть 1 статьи 286 и часть 4 статьи 303 УК.